

Десять лет наза в июне месяце я наблюдал за двумя монголами, резавшими барана. Они обрили животному горло. Один нежно взял его на руки и слегка приподнял, другой вскрыл грудную клетку глубоким надрезом - резким движением, как если бы он нетерпеливо дернул застрявшую молнию, затем залез в органическую тьму и зажал аорту. Овца слегка раздула ноздри, закинула голову, востороженно сощурилась в сторону монголов, и испустила дух, не издав ни звука. Эту короткую сцену я наблюдал с расстояния двух метров. За живописной группой ширилась бескрайняя пустыня Гоби, лишь слева окаймленная поросшей тимьяном дюной. Так они делали еще во времена Чингисхана, подумал я. Тут ко мне обернулся тот, чей нож сейчас был в крови. Его желтые, выпирающие вперед зубы, сияли в лучах заката. Дубленая кожа его лица цвета красного дерева растянулась во все стороны, пока не возникла улыбка. Я отечески похлопал его по плечу. Молодцы, - сказал я. Он кивнул. Да, молодцы. Человек из пустыни Гоби и я говорили друг с другом по-русски. Он ушел в пустыню лишь пару лет назад, а до этого учил язык Ленина в школе в Улан Баторе. Так он сам и сказал: язык Ленина. Кочевник из архаической Монголии.

За последние двадцать лет мои познания в русском языке мне много раз неожиданно пригождались. Когда я снимал в Пекине фильм о сооружении Олимпийского стадиона и подружился с художником Ай Вейвеем, мы часто виделись с ним за ужином в закоптелой корчме на третьем кольце, служившей раньше местом сборища самиздатовцев. Чаще всего мы сидели у шаткого стола с круглой обугленной дыркой в середине, из которой торчала горелка для горшка хого. Если в съемочной группе слишком много говорили по-английски, Вейвей и я переходили на русский, чтобы нам никто не мешал. Он учил его в киношколе в Пекине вскоре после культурной революции, немного, но достаточно, чтобы иметь возможность изъясняться ради удовольствия. Этот жест имел для нас особое значение: мы, говорящие по-русски, принадлежали к иному миру, нежели эти иностранцы вокруг нас.

Около четырех лет назад я встречался в одном из частных домов лондонского Кенсингтона с доверенным лицом короля Омана. Были планы построить в Маскате оперный театр, а меня привлечь как советника. Встреча состоялась в каминной и была уже сама по себе достаточно экзотична. Однако доверенное лицо короля еще и привело с собой министра строительства. Как выяснилось, этот человек учился в МГУ на инженера почти в то же время, что я изучал в Воронеже квантовую химию. Мы добродушно посмеиваясь смотрели в камин и перекидывались фразами по-русски, как поленьями, продолжая удивительный разговор об опере у Индийского океана.

На русском языке еще не так давно говорили почти на всех континентах люди, принадлежавшие к элите своих стран. Десятки тысяч азиатов, латиноамериканцев, африканцев и европейцев с Востока и Запада учились на Ленинских горах или в Махачкале: штудировали юриспруденцию, дипломатию, а также «Анну Каренину» и атомную физику. Если проследить путь, пройденный выпускниками советских ВУЗов сквозь постколониальный мир и мир после холодной войны, то едва ли можно будет представить себе сеть более насыщенную и глобальную. Кем они сейчас стали?

Я оказался не слишком прилежным квантовым химиком, но всегда поддерживал градус моей симпатии к русскому языку на определенном уровне и переводил для немецкого театра Чехова и Гоголя. Признаюсь, я уже не настолько хорошо им владею, но мне кажется, что в России все еще много читают и пишут, а русские столь охотно говорят и наслаждаются родным языком почти также, как французы Померолем урожая 82 года или индусы игрой в крикет. И даже если он звучит непохоже на Пушкина или Мандельштама, я всегда слушаю с удовольствием.

Среди самых распространенных языков мира русский, по официальным данным, занимает сегодня восьмое место с 290 млн людей, которые говорят на нем, как на родном. Разумеется, это меньше, чем двадцать или тридцать лет назад, когда все внутри мировой коммунистической системы изучали русский язык. Однако геополитическое сжатие не единственная проблема. Возможно потому, что в России говорят почти *исключительно* по-русски. Хотя в язык и прорвались термины мирового бизнеса, такие как «офис», «контент», «таунхаус» или тот же «бизнес», тем не менее, на мой взгляд, среднестатистический менеджер не в состоянии говорить на приемлемом английском. Москва – самый большой город Европы, но общественная коммуникация в нем не знает никакого иного языка, кроме русского, и тот, кто не знает кириллического алфавита, выглядит беспомощным младенцем.

Процесс глобализации показал, что большие страны с культурно гомогенным населением, тем самым замыкнутые внутри себя, с большим трудом осваивают английский или глоубиш. Что бы ни говорили об этой странной и упрощенной версии языка Шекспира и Франклина, на сегодняшний день это существенный инструмент коммуникации и диалога во всем мире. И во всемирном соревновании. Даже в самих англосаксонских кругах сегодня признается, что комбинация английского с другим родным языком – лучшая предпосылка для индивидуума или общества, чтобы соответствовать требованиям безграничного мира коммуникации. (Будет ли когда-нибудь английский язык вытеснен китайским?)

На мой взгляд важнее понять, применит ли Россия двуязычную модель для ныне растущего поколения? Времена мировой системы, говорившей по-русски, на ближайшее время канули в прошлое. Россия безусловно должна заботиться о сохранении русского языка (и может быть даже постараться предотвратить нововведения типа «коттедж»), и в будущем, надо надеяться, будет внутри себя общаться на безупречном русском.

Однако иностранному наблюдателю кажется, что этой стране есть что порассказать и людям «извне». В Москве и в глубинке не перевелись еще замечательные интеллектуалы, исследователи, художники и предприниматели. Наблюдаемый нами в настоящий момент социальный эксперимент по формированию новой демократии и преобразованию отношений между правительством и народом имеет значение для общественного развития всех стран от Западной Европы до Китая. Такие города, как Москва, обладают гигантским потенциалом для международного туризма и развития различных форм жизни метрополии, столь притягательных для мирового сообщества.

Именно поэтому России надо научиться говорить на глоубиш. Представьте себе: «Govorit Moskva» - и весь мир слушает, затаив дыхание...

Michael Schindhelm (March 14)